

— Ты... ты всё ещё здесь! — Вильгельм II давно был запуган своей женой насмерть, иначе он не предпочёл бы тогда самоубийство новой встрече с королевой-матерью Изабеллой.

Королева-мать всегда навещала Тауэр, когда приезжала в Лондон — это уже вошло в традицию.

— Как думаешь, сколько раз я ещё сюда наведаюсь? — Опираясь на тонкую, специально изготовленную трость, королева-мать улыбнулась. Взгляд её оставался спокойным, но при внимательном рассмотрении в её движениях угадывалась лёгкая, почти извращённая нотка, во многом схожая с невозмутимостью Рафаэля. Или, возможно, это Рафаэль с детства перенял у королевы-матери немало «полезных вещей».

В тени пламени, плясавшего в камере, красный трезубец дьявола будто бесконечно разрастался.

— Ты превратил моих троих сыновей в таких чудовищ, и думаешь, я тебя так просто отпущу?

— Это ты сделала их такими извращёнными! Это твой грех! Ты не умеешь воспитывать детей! Они хотели меня убить, заточили в темницу — всем им место в аду!

— Это ты! — Чуть не погубила Ричарда. Королева-мать больше не могла сдерживаться — это была её болевая точка, уязвимое место. Она не понимала, какого бесстыдства надо достичь, чтобы сваливать вину таким образом. Если бы он тогда не позволил своему любовнику... если бы не... Ричард никогда бы не стал столь абсурдным созданием.

— А ты думаешь, сама идеальна? — Вильгельм II тоже решил не стесняться в выражениях. — Будь ты ангелом, отчего же Вильгельм отвернулся от тебя? Почему Ричард тебя не слушает? Потому что для этих бесчувственных братьев лишь они сами — семья, а ты, Изабелла, для них ничто!

— Да, я виновна. — Королева-мать опустила голову. Она никогда не отрицала этого и всегда искала спасения. — Чем больше я ненавижу себя, тем сильнее ненавижу тебя.

Именно прежний Вильгельм II породил нынешнюю, искалеченную королеву-мать Изабеллу.

Однажды, при всём дворе, отринув достоинство принцессы и королевы, она опустилась на колени, слезно умоляя мужа. Её Ричард умирал, кричал от боли. А её супруг? Лишь бросил «Как позорно!» и холодно удалился. Она рухнула на ледяной мраморный пол, выплавав все слёзы.

В ту ночь принцесса Изабелла умерла.

В ту ночь французская волчица открыла глаза.

Королева-мать вдруг рассмеялась — в холодной камере смех её звучал зловеще. — Смотри-ка, я так увлеклась беседой, что забыла познакомить тебя с твоими милыми сокровищами. Не бойся, я не убью тебя. Мы же клялись перед Богом, не так ли? В богатстве и бедности, в болезни и здравии — быть вместе. Всегда вместе.

Вильгельм II скорее желал, чтобы она его прикончила, но вновь не сумел её разозлить.

Говорили, на следующее утро бывшего короля нашли в ужасном состоянии. Взгляд его был пуст, и при любом приближении он яростно сопротивлялся, кидался в драку, даже бил себя.

Королева-мать же, напротив, пребывала в прекраснейшем расположении духа. Напевая, она заваривала чай и даже преподнесла Августу прекрасный цветок.

— Пойдём, мой маленький принц.

— Вы выглядите очень счастливой. — Август давно подметил за бабушкой эту особенность: порой она внезапно становилась необычайно радостной. Проснёшься утром — а она словно помолодела, будто вернулась в шестнадцать лет, стала наивной, как юная девушка.

— Оттого что в гости к тебе, в твой замок, отправляюсь, маленький принц, — отвечала королева-мать.

Так, собрав вещички, бабушка с внуком в кратчайший срок распрощались с Лондоном и, благодаря конному экипажу, менее чем за день добрались до бристольского замка Августа.

Август хотел было захватить с собой мисс Марию и мисс Елизавету, но те отказались, напротив, упрашивая его задержаться в Лондоне подольше. Никто не смог переубедить друг друга, и в итоге они расстались, договорившись встретиться вскоре — скажем, съездить в загородное поместье.

Лишь вернувшись в свои владения под опекой королевы-матери, Август наконец немного перевёл дух и позволил себе оглянуться на безумные события последних часов. Может, он ошибался насчёт Рафаэля? Может, тот не так уж его ненавидит, а просто хотел превратить дружбу по переписке в реальную...

Но если у Рафаэля не было дурных намерений, отчего же он с самого начала не объяснил всё прямо?

Вспомнив свои прошлые язвительные слова, резавшие, как нож, Август и сам готов был прибить себя — что уж говорить о Рафаэле.

Какую же надо иметь выдержку, чтобы захотеть дружить с таким язвительным типом, как он?

Разве что быть слепым.

А Рафаэль слеп?

Да, слеп.

Между тем в уайтхолльском дворце Рафаэль, отложив донесение о благополучном возвращении Августа в замок Бристоль, закончил время отдыха и готовился приняться за новые дела.

Работать с начальником, обожающим устраивать скандалы, — сущее мучение.

С грохотом распахнулась дверь кабинета, и мисс Мария, ворвавшись внутрь, швырнула пачку бумаг на стол Рафаэля.

— Ты нарочно выжил Пудинга?

У начальника-скандалиста имелась дочь, любившая скандалить ещё пуще, — и хлопот утраивалось.

Рафаэль прямо признался:

— Не выжил, а позволил уйти по доброй воле.

Ныне в Лондоне беспокойно, и такому лакомому кусочку, как юный герцог, коему каждый рад бы вцепиться зубами, здесь не место. Когда всё уляжется, он найдёт способ вернуть его обратно.

— Скажешь «уйди» — он уходит; скажешь «возвращайся» — он возвращается. — Мисс Мария скрестила руки на груди, и в голосе её звучала язвительная нотка. — Кто ты такой, чтобы помыкать им? Сам Господь Бог?

Рафаэль не стал спорить, лишь невозмутимо промолвил:

— Что ж, давай посмотрим.

— Только не затягивай! — Угрозы мисс Марии всегда были весомы. Её узкие глаза прищурены, и в этот миг она излучала властность, разительно отличавшуюся от того слегка высокомерного вида, что являла перед Августом.

— Ты о нём заботишься? — поинтересовался Рафаэль. Если так переживает, отчего же раньше не забрала Августа в Лондон?

— Разумеется! — Прежде мисс Мария не желала, чтобы Август приезжал в Лондон, ибо был он тогда чист, как белый лист, — не готов к этой пучине интриг. Но теперь всё иначе: Август «выздоровел», стал обычным человеком, и рано или поздно ему придётся взростеть. Чем раньше он изучит правила игры, тем скорее сможет сам их устанавливать. — Назови точный срок!

Рафаэль взглянул на фарфоровый горшок у окна, где покоилось ещё не проросшее декоративное растение. Низким голосом, старинным и певучим напевом, он произнёс незнакомые слова:

— Когда на дорогах расцветут цветы...

...можно будет неспешно возвращаться.

Даже Август не ожидал, что вновь придётся ехать в Лондон так скоро, да ещё и по необходимости.

Всего неделю спустя после того, как королева-мать, вдоволь погостив в Бристоле, вернулась в свой загородный замок, Август, как обычно, наблюдал за тренировками рыцарей, чьи ноги начинались где-то от самой груди, и внимал ангельскому пению церковного хора, как получил срочное, украшенное золотым тиснением приглашение из Лондона.

Король снова женится! ~\(\(\nabla\)/~

— Ха?

Получив сию весть, Август пребывал в полнейшем недоумении. Он взглянул на улицу — только-только начиналась весна, — переспросил камердинера раз, другой и наконец поверил, что действительно ещё лишь февраль, а с прошлой неудавшейся королевской свадьбой прошло чуть больше месяца. И вот уже снова.

Если считать и тот неудачный брак с принцессой Анной, это уже пятая по счёту свадьба

короля.

Ричарду II уже немало лет, как он ещё так прыток? Неужели так трудно хранить верность? Или ночи в Уайтхолле столь холодны, что не уснёшь, кого не обнимешь?!

<http://bllate.org/book/15929/1423988>